

ГЛАВНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ИНФОРМАЦИИ

*Капитан 1 ранга К.П. Чудин
Командир группы ОСНАЗ
19 МРРТО ТОФ (1969-1973).
Начальник ИЦ ТОФ (1991-1993).*

Воспоминания капитана 1 ранга в отставке Чудина Константина Петровича о службе командиром группы ОСНАЗ 19-го МРРТО 38-й бригады кораблей ОСНАЗ в период август 1969 – март 1973 гг.

Прошло 50 лет, а время службы помнится, как вчерашний день. Наверное, потому, что с этим связаны лучшие годы жизни каждого из нас...

После выпуска 6 июня 1969 г. из училища ВВМУРЭ им. А.С. Попова, что в Новом Петергофе, отдыха в Сочи и на родине в Ульяновске, ехал я служить на Тихоокеанский флот самым медленным поездом Киев-Владивосток с огромным желанием попасть на подводные лодки. Ведь стажировался я на 6 эскадре пл в Малом Улиссе, которой некогда командовал наш начальник училища Ефим Иванович Медведев, а диплом свой защищал по пеленгатору для подводных лодок под руководством Б.Д. Мелешкова, но на месте все оказалось по-другому.

Устроившись по приезду в гостинице пограничников, я помчался разыскивать наше управление, чтобы скорее заявить о своем нестерпимом желании служить на подводных лодках.

Отыскав родную контору на задворках «Военного кафе», что на Ленинской, я взлетел по скрипучим ступенькам на второй этаж, где дежурный указал мне дверь начальника 128-го центра.

Спокойно выслушав мой доклад, капитан 1 ранга Проценко Андрей Иванович спросил, как у меня с языком? Я предъявил ему удостоверение военного переводчика.

Он посмотрел на меня и говорит: *«С подводными лодками подождём, а пока... на ул. Фокина стоит автобус № 9, садись и дуй до самого конца на 6 км, там найдешь штаб 19-го отряда и доложишь командиру».*

Капитан 1 ранга Лукаш Дмитрий Тимофеевич встретил меня, можно сказать, дружелюбно и сразу определил моё ближайшее будущее. Устраивайтесь, говорит, как все наши холостяки, т.е. на кораблях дивизиона.

Вот скоро «Сарычев» пойдет в море, туда и отправляйся.

Развернулся я и прямо на 37 причал, где стояли РЗК 169-го отдельного дивизиона. В каюте командира, кроме капитана 2 ранга Бельченко В.М., был комдив Плоткин.

Я руку к козырьку, так мол и так... Буквально через минуту прибыл в каюту командир группы ОСНАЗ старший лейтенант А.А. Лебедев, улыбающийся золотой фиксой.

Сан Саныч, говорит Бельченко, вот лейтенант, который с нами пойдет в море, забирай его.

26 сентября 1969 г. был назначен выход СРЗК «Гавриил Сарычев» в море. Поход серьёзный, с какими-то специальными задачами, даже торпеду на борт приняли.

Командир РЗК «Курсограф» капитан 3 ранга Тульчинский О.Д. пошутил при этом: *«Владимир Михайлович! Разрешите Вас называть теперь командиром эскадренного миноносца».*

В день выхода корабля мы с Розой (будущей женой) умудрились подать заявление в ЗАГС. И это, видимо, к счастью – в 2020 г. у нас «Золотая свадьба».

*Командир группы ОСНАЗ
19-го МРРТО ТОФ А.А. Лебедев*

Выход корабля в океан был с Камчатки, где к нам добавились еще прикомандированные, главным образом, врачи (фото № 1).

Для меня этот поход на «Сарычеве» стал первым разведмероприятием, но я был не один из приписных, были еще четыре лейтенанта (О. Ашихмин. и В. Пономаренко – из ВВМУРЭ и Ю. Бурлак и Ю. Лутаев – из Красноярского РТУ), которые готовились на большие новые корабли «Забайкалье» и «Приморье».

Маршрут СРЗК проходил до Гавайских островов, затем на западное побережье США и оттуда по неистовым пятидесятым опять к Камчатке.

Мы, лейтенанты, по двое несли круглосуточное дежурство в БИПе, меняясь, как и моряки на постах, через шесть по шесть часов.

Когда мы стояли у о. Оаху, в Пёрл-Харбор находилась авианосно-ударная группа США во главе с авианосцем «Энтерпрайз»; ожидался выход группы в западную часть Тихого океана в состав 7 флота.

В одно из моих дежурств ночью с поста докладывают: «Альфа Виски работает...».

О, знал бы я тогда, что это буквосочетание станет лейтмотивом всей моей дальнейшей спецдеятельности в ранге командира подвижной группы.

А пока... легкое замешательство в неведении что делать. Правильно, доложить старшему, что я и сделал, прервав и без того беспокойный сон Сан Саныча.

«Альфа Виски» – это две буквы фонетического алфавита радиожаргона НАТО – AW (*Alpha Whisky*) и означает позывной центра воздушной обстановки авианосного формирования (группы или целого соединения). Раз AW заработало, значит, вывод один – авианосец в море.

В дальнейшем, с 1970 по 1972 гг., мне предстояло совершить пять походов в Тонкинский залив, где 7 флот США вёл боевые действия против Вьетнама, и приходилось держать в голове сотни разного рода позывных, многие из которых помню и сейчас.

А тогда, на Гавайях, мы отследили американские корабли, решили поставленные на поход задачи у западного побережья США и 26 декабря возвратились во Владивосток, где нас ждали радикальные изменения.

Во-первых, для Владимира Михайловича Бельченко это был последний поход, вместо него командиром был назначен Милосердов Николай Григорьевич с «Гидролога».

Во-вторых, и это главное, 169-й ОДРЗК и 19-й МРРТО поменялись местами, дивизион был преобразован в 38-ю бригаду кораблей ОСНАЗ, отряд стал составной частью бригады, которую возглавил капитан 1 ранга Лукаш Дмитрий Тимофеевич.

Вот и получается, Лукаш меня провожал, будучи главным в морской разведке ТОФ, он меня и встречал в том же качестве.

Фото № 1. Старпом Л.А. Порецкий (во втором ряду слева) и штурман Слава Птух (первый ряд слева) с приписными офицерами СРЗК «Гавриил Сарычев» (я обнимаю Олега Ашихмина)

В результате реорганизации 19-го МРРТО возглавил капитан 3 ранга Суров Александр Васильевич, а структурно всё в отряде осталось по-прежнему. В нашем подразделении были опытные командиры подвижных групп А. Шпагин, В. Королёв, В. Козлов, из молодых, как я, добавились Степанченко из КВИРТУ и Бурлачко из Красноярска.

Отчёт за поход «Сарычева», конечно, писал А.А. Лебедев, а мне предстояло готовиться к своему первому походу во Вьетнам на РЗК «Гидрофон» (12.02-29.04.1970 г.).

Командиром корабля был назначен капитан 3 ранга Лисин Геннадий Степанович с ГС-47 вместо Плотникова, о котором у меня, по рассказам других, сложилось мнение как о человеке, радеющем за порученное дело, целеустремленном в решении задач до определённой степени риска.

Может быть, я и не совсем точен, но история вышла такая.

В октябре 1969 г. «Гидрофон» был в очередном походе в Тонкинском заливе, и ему довелось выйти на визуальный контакт с боевой амфибийной группой США во главе с вертолётоносцем «Новый Орлеан», следовавшей в южно-вьетнамский порт Дананг. По десантным кораблям нами добывалось как-то мало сведений, поэтому, в данном случае, интерес был велик.

Командир РЗК так увлёкся слежением, что приблизился к берегу на удаление, с которого южно-вьетнамский патрульный катер, посчитав, что РЗК нарушил территориальные воды, открыл огонь по нашему кораблю из крупнокалиберного пулемёта. Обстрел – это ЧП.

Обо всем этом мне поведал Володя Королёв, бывший в том походе командиром группы ОСНАЗ, которому пришлось уклоняться от обстрела и, к счастью, обошлось без жертв.

Наш корабль получил незначительные повреждения, но к моему походу (12 февраля) был полностью готов.

«Вывозил» меня, т.е. был наставником в моем первом вьетнамском походе, тот самый Королёв, который после смены в Тонкинском заливе вернулся на «Барографе». Я сменил опытного Васю Бочарова с молодым Толей Бурлачко и остался один.

Скажу честно, я пока еще слабо разбирался и в американской авиации, и позывные только через словарь отыскивал. Но всегда помнил наставления старших: Королева – «не уверен, не давай»; Бочарова – помимо всего, «бумажки из воды - вещь полезная».

Началось моё привыкание к самостоятельной деятельности командира подвижной группы. Жил я в БИПе, где работал, спал на диване, часть которого уходила под стол с радиоаппаратурой. Так выработался режим: до 2-4 утра работа с добытыми материалами, до восьми сон, затем обход постов и подготовка к справке.

*Командир группы ОСНАЗ
19-го МРРТО В.В. Королев*

Трудновато, но мир не без добрых людей, и всегда найдется человек, который в чем-то тебе поможет. Опытный офицер спецчасти капитан 3 ранга Олениченко Виктор Викторович научил меня многим толковым приемам в плане разведки, хоть и не всё проходило гладко и, бесспорно.

Мичман Федя Пятайкин (фото № 2), с которым я как-то быстро сдружился, прямо-таки ас визуального наблюдения, натренировал меня распознавать палубную авиацию.

К концу похода я уже досконально разобрался в американских самолетах и навыки самостоятельного осознания приобрёл вполне приличные.

Второй мой поход во Вьетнам был вторым походом на СРЗК «Сарычев». Как-то так получилось, что в офицерском экипаже корабля было много «чужаков».

Кроме меня, которому по штату было положено подсаживаться на разные корабли, начальником РТС вместо штатного капитан-лейтенанта Ширшикова Жоржа Николаевича, был Сухов Гена с ГС-34, инженером РТС – Валера Фёдоров с «Гидролога», штурманом Саша Гарницкий с «Пеленга», доктором - Валя Засухин – тоже чужак. Из своих офицеров были замполит Губарев, механик Петров Иван Петрович, да старпом капитан 3 ранга Порецкий Лев Алексеевич – настоящий морской офицер, всегда подтянут до щеголеватости, веселый и с юмором в стиле Сергея Колбасьева. И на этот раз «Сарычев» выполнял какие-то спецзадачи, т.к. в составе экипажа была группа гражданских инженеров-наладчиков новой аппаратуры; с ними в тесном контакте работали старший лейтенант А. Орехов из 4 отряда – специалист по техническому распознаванию объектов, а также офицер ГРУ Володя Симоненко.

Фото № 2. Я и Федя Пятайкин на «Гидрофоне»

Что касается решения задач за поход, то в общем плане похвастаться было нечем.

Как правило, каждый РЗК с появлением новых кораблей в авианосном ударном соединении пытался установить неопознанные объекты и тем самым достоверно выявить элементы боевого порядка.

В Тонкинском заливе такими составными частями, кроме АУГ, были позиции ПВО, «подтянутые» непосредственно к территориальным водам Вьетнама. Каждая позиция – это, как правило, два корабля, один из которых обязательно ракетносец.

В радиообмене позиции имели позывные: самая северная – «Р» (Рара, по-русски «папа») в коротковолновой сети ПВО и «red crown» – в УКВ; юго-западнее была позиция «S» (Sierra - «сьерра») или «oswald».

При бомбардировках Северного Вьетнама к этим позициям добавлялись ещё две, а пока американцы бомбили только Южный Вьетнам и частично Лаос.

Я предложил Н.Г. Милосердову: «Товарищ командир, давайте сходим в «Папу», там новые корабли, их надо выявить». «Не до журу, быть бы живу», – услышал я в ответ. Больше с такими вопросами я к нему не обращался.

И всё же этот поход на «Сарычеве» мне здорово помог.

Дело в том, что в январе 1995 г. вышел обновленный «Закон о ветеранах», по которому экипажи разведывательных кораблей, решавших задачи боевой службы в Южно-Китайском море в период с января 1961 г. по декабрь 1974 г., были вполне справедливо причислены к участникам боевых действий. Теперь за это полагается денежная выплата.

Не знаю точно, но я считаю, что в творении поправок к закону принял участие Майтаков Георгий Григорьевич, офицер нашей бригады. Он был помощником командира корабля в моём походе на «Дефлекторе», впоследствии, возглавлял Разведку ТОФ, а уволившись из ВС, стал депутатом Государственной Думы.

Чтобы оформить эту льготу, нужна специальная выписка из ЦВМА в Гатчине. Я побывал там, сделал письменный запрос, но ответ получил только по походу на «Сарычеве». Оказывается, в архиве учёт вёлся по кораблям, рангом не ниже второго, коими на ТОФ были средние РЗК «Гавриил Сарычев», «Пеленг», «Гидрограф».

Так что мне в этом плане «повезло» – хоть один поход из пяти был засчитан.

А вот основная масса ребят, которые ходили в море только на малых кораблях, незаслуженно осталась без этого вознаграждения (это и Сима Орлов на «Дефлекторе», и Валера Козлов на «Измерителе», и Володя Королёв, обстрелянный на «Гидрофоне»). Сумма выплат нынче составляет около полутора тысяч и, когда сидишь на пенсии, это неплохие деньги. Спасибо за это Георгию Григорьевичу – это настоящий вклад думца в благополучие граждан страны.

Походы мои на «Протракторе» прошли как-то дуплетом – один за другим, причём первый буквально через месяц с небольшим после «Сарычева», 30 декабря 1970 г. – 6 марта 1971 г.

Командиром корабля был назначен капитан-лейтенант Левых Виктор Федорович, которого в первом походе «вывозил» более опытный на то время капитан 3 ранга О.Д. Тульчинский с «Курсографа» (фото № 3, 4).

Жил я в каюте помощника Валеры Холодарёва, спал на диване. На завтрак я, по привычке, не ходил, и собачка Хам, обитавшая в нашей каюте, приносила мне оладьи и складывала у изголовья.

МРЗК «Протрактор» в Тонкинском заливе

С точки зрения результативности решения задач, оба похода можно оценить, как средние. Американцы, действуя одной или двумя АУГ, наносили монотонные удары по территории Южного Вьетнама, вели обстрел побережья корабельной артиллерией.

Кстати, в этом им усердно помогали ВМС Австралии, которые также обеспечивали ближнее охранение авианосцев. Точно я знаю, что подобные функции выполняли ракетные эсминцы «Перт» (№ 38), «Хобарт» (№ 39) и «Брисбейн» (№ 41).

Во втором походе (18.06-03.09.1971 г.) я жил в каюте механика Валеры Котлярова, где были две нормальные койки.

На «Протракторе» не было БИПа, поэтому обработкой материала приходилось заниматься прямо в каюте, доставляя неудобства соседу.

Будучи во втором походе на «Протракторе», решалась моя проблема с жильём.

Дело в том, что мичман Прохоренко (мой тёзка) из продслужбы бербазы, попросил освободить гостинку на

Корнилова, которую мы снимали у него, жене деваться было некуда, и ей кто-то посоветовал обратиться к Миснику.

Фото № 3. Мой первый поход на МРЗК «Протрактор» (в очках: слева – командир корабля В.Ф. Левых; справа – его наставник О.Д. Тульчинский)

Фото № 4. Второй поход на мрзк «Протрактор»

вместе с тем, более чутким, чем считалось, к нуждам подчиненных. И в данном случае, не без его участия, нам выделили комнату в одной квартире с Кострицыными на улице Бестужева. Это первое собственное жильё мы посчитали за счастье, хотя приходилось топить «ненасытную» печку.

Всё равно здесь было комфортнее, чем жить в ДОСах на 6 км.

Самым результативным своим походом, считаю сравнительно длительное плавание в Тонкинский залив на МРЗК «Дефлектор» – 94 суток (20.08-22.10.1972 г.).

Пожалуй, это объясняется двумя факторами:

- объективно – изменилась оперативно-стратегическая ситуация в зоне боевых действий;

- субъективно – личная инициатива и нацеленность на качественное решение задач командира корабля капитана 3 ранга Кучина Олега Леонидовича, его неудержимая страсть к выслеживанию кораблей вероятного противника и необъяснимое везенье в отлове ценных документов из воды.

Подполковник Мисник Анатолий Михайлович был командиром 2003-й береговой базы, надежного тыла нашей бригады, и свою должность совмещал с обязанностями начальника гарнизона на 6 км.

При смене дежурства по части мы обязательно представлялись ему, получали инструктаж. Он, человек внутренне подтянутый, внешне опрятный, строгий и требовательный, оказался,

Изменению обстановки в зоне боевых действий способствовало предпринятое в марте 1972 г. широкомасштабное наступление вьетнамской армии через ДМЗ в Южном направлении. Создавалась прямая угроза марионеточному режиму Южного Вьетнама.

Президент США Никсон, пришедший к власти под лозунгом завершения вьетнамской войны на «почётных для США условиях», отдаёт 8 мая приказ возобновить бомбардировки объектов ДРВ и одновременно провести массированное минирование основных портов.

Устанавливаются жёсткая блокада побережья и тотальный контроль за судоходством в Тонкинском заливе.

Кто-то потом назовет это «последним всплеском агрессии».

Американское командование принимает меры по ускоренному наращиванию ударной группировки 7 флота.

Постоянно в западной части Тихого океана поддерживаются шесть из восьми авианосцев ТОФ США. Из Атлантики на Тихий океан перебрасываются авианосцы «Саратога» (на борту 3 авиакрыло) и «Америка» (8 АКр). Готовится к развертыванию на ТОФ авианосец «Индепенденс».

В начале августа 1972 г., когда РЗК «Дефлектор» прибыл в район разведки, в зоне «Янки стейшн» находились четыре авианосца, три из которых действовали севернее 17-й параллели, один – чуть южнее, примерно, на траверзе Дананга.

Изменился и боевой порядок АУС. К двум позициям ПВО «Р» и «S», постоянно развёрнутым на угрожаемом направлении Хайфон-Тханьхоа-Винь, были добавлены ещё две: «О» (Oscar – «Оскар» с УКВ-позывным «TRIPLE THREAT») и «R» (Romeo – «Ромео» – «REPRISAL»).

Эти корабли прикрывали авианосцы с западного направления практически до 17 параллели. Выявить состав новых позиций не составило труда: Кучину достаточно было только намёка, чтобы он принял решение на их обход. Одновременно пошли и бумажки из воды.

Помещение БИПа, где я жил и работал, как на «Гидрофоне» (корабли-то одного типа «Океан»), стало пополняться ценными документами. Среди них были суточные планы авианосцев, а также полётные планы, откуда я впервые узнал об «Альфа-страйк» – удары по объектам ДРВ большими группами палубной авиации.

С одного авианосца за время, отведённое на полётные операции (12 часов), поднимались три таких группы, численностью до 42 самолетов максимально каждая. Ударный костяк группы составляли 12 штурмовиков «Корсар» и «Интрудер» (три звена по 4 самолёта) с бомбами Мк-82 (фугасные), Мк-20 «Рокай» (кассетно-шариковые). Впереди бомбардировщиков к цели обязательно следовали попарно 6-8 штурмовиков «Корсар», вооружённых противолокационными ракетами; это так называемая группа «IRON HAND», созданная специально для подавления радиотехнических средств ПВО Вьетнама.

MPZK «Дефлектор»

Остальные самолёты были в разряде обеспечивающих: 12 истребителей (воздушные патрули BARCAP, FORCAP, MIGCAP), 2 самолёта ДРЛО «Хокай» E2с, 2 самолёта РЭБ «Скайуорриор» EA3В, 4 танкера (КА7Е), а также 2-4 самолёта группы фоторазведки (1-2 самолёта «Виджилент» RA5С и 1-2 истребителя эскорта).

Не знаю, актуально это сейчас или нет, но тогда, сопоставляя данные визуального наблюдения и радиоперехвата, нам удавалось заблаговременно определять подготовку авианосцев к массированному удару.

Дело в том, что раньше всех из самолётов (за 40-30 минут до взлёта основной массы) в воздух поднималась пара самолетов ДРЛО «Хокай» с задачей «СИС» – combat information center (воздушный командный пункт) для управления авиацией в воздухе. Чуть позже (за 20-15 минут) взлетает пара самолётов РЭБ EA3В, которые следуют на специальный рубеж постановки помех. Вот и получается: взлетели два «Хокай» и два «Скайуорриор» – жди мощного удара. А если удалось визуально отследить подъём вертолётов поиска и спасания, которые взлетают раньше любого самолёта, то диапазон заблаговременности увеличивается до часу.

При существующей на тот период системе оповещения вьетнамские средства ПВО достаточно вовремя предупреждались о возможном налёте.

Осуществляя массированные бомбардировки, американская авиация продолжала выставлять и минные заграждения. Считается, что последняя мина была сброшена в январе 1973 г., буквально за две недели до подписания Парижского соглашения.

В качестве мин всё чаще использовались обычные фугасные авиабомбы Mk82 с переделанными взрывателями.

Мы это подтверждали и документально – для некоторых самолётов в планах боевой загрузки указывались бомбы Mk82dst.

Палубная авиация США решала в Тонкинском заливе и другие важные для себя задачи. Речь о контроле за судоходством. Парные штурмовые патрули, действуя на малых высотах, утюжили воды залива, отслеживая каждое торгово-транспортное судно. Их задачи в планах полётов так и обозначались «mercap» или «surcap» (merchant vessel combat air patrol или surface vessel combat air patrol). Штурмовики «Корсар», выполнявшие эти функции, имели на вооружении, как бомбы, так и ракеты.

Однажды под такой патруль угодили и мы.

В сети ПВО АУС появился новый позывной – «ОВ» (Oscar Bravo). Я к командиру. Вопросов нет, от пеленговали, наметили курс и к вечеру были на месте. Крутимся, ищем и вдруг самолёты. Один «Корсар» сбросил осветительные ракеты на парашютах (светло как днём), а другой самолёт начал облеты, да так низко, что казалось, вот-вот заденет мачту. Я говорю командиру, может флаг поменять на государственный вместо гидрографического. Но кажется, они распознали нас как советский РЗК и через некоторое время улетели.

К утру мы всё-таки обнаружили объект «ОВ», им оказался... ДВКД «Огден» с боевыми вертолётами на борту. Эта позиция была недалеко от вьетнамского острова Хон Ла (восточнее Донгхой). Оказывается, у этого острова был некий пункт перегрузки с китайских небольших судов на вьетнамские катера, которые перевозили грузы к берегу.

В задачу вертолётов с «Огдена» входило нарушать эти перевозки вплоть до уничтожения катеров.

Вот, в сущности, и всё, что мне помнится о результатах похода на «Дефлекторе». Жаль, что нет фотографий, а ведь меня окружали хорошие добрые люди: помощник командира Г.Г. Майтаков, инженер и старшина команды РТС, врач корабля, а также мичман А. Воробьёв, с которым я чаще виделся по ночам, когда он дежурил по низам; Лёша щедро подкармливал меня – баталер всё-таки.

И всё же, как оказалось, отслеживаемые нами массированные удары с авианосцев не были столь мощными. В двухтысячные годы в Ульяновске лидеры вьетнамской диаспоры «Солидарность» через военкомат отыскиали меня и ещё человек десять, в основном, бывших зенитчиков. Были встречи, выступления, чествования нас как ветеранов тех событий.

Я спрашивал у «вьетнамцев» их мнение об американских бомбардировках; они в один голос говорили, что самые ожесточенные удары им пришлось пережить в декабре 1972 г. под самое католическое рождество. Возможно, это достигалось одновременным ударом с трёх или даже четырех авианосцев, а также увеличением состава тактической и стратегической авиации ВВС США в налёте.

Сложилось впечатление, что американцы, зная о приближении скорого конца вьетнамской авантюры, напоследок хотели принести как можно больше разрушений, страданий и бед народу Вьетнама.

Это во все времена было в их стиле: в Ираке стёрли с лица земли Мосул, а в Сирии дотла разрушили Ракку.

Но несмотря ни на что, американцам так и не удалось выйти из вьетнамской войны с «почётом». В Парижское соглашение от 27 января 1973 г. были вписаны, как я считаю, позорные положения, обязывающие американскую сторону «прибрать» за собой, т.е. провести тотальное разминирование и очистить все порты ДРВ от своих мин. Кроме того, США вынуждены были дать согласие внести вклад в послевоенное восстановление ДРВ и всего Индокитая.

Завершая свои воспоминания, хочу сказать несколько слов о матросах – специалистах радиоперехвата, без которых успешное решение задач разведки было бы невозможным. Жаль, что фамилии многих вышибло из памяти, помню лишь Юру Сайко и Володю Голубева. Были такие ребята, что в первом походе пластом лежали, с трудом перенося качку, но потом «прикачивались», а к концу второго плавания достигали мастерства высшей квалификации и заслуженно занимали место на постах УКВ.

Были и такие моряки, которые не возвращались в базу, а оставались на сменяемом корабле на второй поход подряд. Это практиковалось вполне законно и говорило лишь об одном – насколько крепко человек любит своё дело.

Безусловно, среди них были весьма талантливые: чего только стоят плоды их творчества – «талмуды». Это такие амбарные книги (их три или четыре), где в цветах и красках с шутливыми остроумными рисунками разъяснялась организация связи кораблей и палубной авиации в зоне «Янки стейшн».

Мне довелось заглянуть в один из них. Получалось, что каждая книга была как бы учебником для молодых или своего рода справочником на посту. Вся эта «летопись» велась буквально с первого похода наших РЗК в Тонкинский залив. Матросы бережно хранили их, перенося с корабля на корабль и скрывая даже от командиров групп ОСНАЗ.

К сожалению, судьба этих книг оказалась бесславной. Меня в последнем походе (на «Дефлекторе») менял Б.М. Мозжухин, который был «сдёрнут» с БРЗК «Забайкалье» и на каком-то малом корабле направлен во Вьетнам. При смене он сказал мне, что война идет к концу, поэтому решено «талмуды» забрать совсем.

Я ответил: *«Борис Михайлович, при тебе эта история начиналась, тебе и завершать её».*

Но потом про книги каким-то образом узнали политорганы разведки, и... больше о них ничего не известно. Наверное, сожжены.

*Командир группы ОСНАЗ
Б.М. Мозжухин*